

УРОКИ ГЕРАСИМОВА

Правда, которую Герасимов неизменно провозглашал как непреходящее и главное достоинство искусства, никогда не превращалась в застывшие стереотипы: достоверность фактов соединялась в ней с достоверностью движущихся чувств — художника и зрителя.

В РЕЧАХ и статьях Сергея Аполлинариевича Герасимова часто повторялись мысли «фавориты»: об изображении «незагримированной жизни», о «диалектической емкости образа», об «интенсификации духа...». Обычно каждая из них приобретала огнострельную устойчивость, потом на смену ей приходила другая. Но сменявшиеся не забывались, дополняли одна другую, стояли в одном ряду — утверждали правду в искусстве без ограничений и с ее прилагательных, достоверность в большом и малом, образуя «герасимовский вектор» в общестетическом арсенале советского кино.

Когда в студенческие годы мы смотрели «Семеро смелых», «Комсомолец», «Учителя», они импонировали каждому из нас своими обаятельными героями: не переиначивая факты жизни. Режиссер слегка романтизировал подвиги первооткрывателей социализма, и это глубоко отвечало настроению митингово-песенного, самоотверженного поколения комсомольцев тридцатых годов, которому вскоре предстояло пойти на тяжелую войну.

Война сделала искусство Герасимова более суровым — это проявилось в «Непобедимых» и «Большой земле». Новые качества обретают оно в «Молодой гвардии»: сначала в спектакле Театра-студии киноактера, а потом и на экране мы увидели произведение, в котором была романтика соединилась с суровостью кинематографической прозы.

Для многих из нас, в ту пору с кино не связанных, «Молодая гвардия» открыла Герасимова-педагога. Ведь не было ничего случайного в том, что именно из «Молодой гвардии» вышли Н. Мордюкова, И. Макарова, Л. Шагалова, С. Бондарчук, В. Тихонов, С. Гурзо, другие, может, не столь знаменитые потом актеры, но во всяком случае весьма заметные профессионалы достаточно высокого уровня: чувствовалось, что они выучены хорошей школой.

Как художник Герасимов был всегда верен себе, но никогда не повторялся. «Маскарад», «Тихий Дон», «Люди и звери», «Журналист», «У озера», «Любить человека», «Дочки-матери», «Красное и черное», дилогия о молодом Петре, «Лев Толстой» — в каждом свой художественный мир, отражающий активность творческого поиска.

Естественно, что фильмы, посвященные актуальнейшим темам современности, дают в этом смысле особенно наглядный материал для размышлений. Но и историческое — тогда должна входить в духовный и нравственный мир современника.

Когда он начинал работу над фильмом о Петре, многие сомневались: а то ли он делает, не останется ли его новая лента в тени знаменитого фильма В. Петрова «Петр Первый»? Режиссер опроверг сомнения сомневавшихся. Романтизированным героям исторических фильмов прошлого, которые в основном сосредоточивались на военных подвигах и других возвышенных деяниях своих образов, здесь противопоставит человек сильный, но сложный, противоречивый, безликости монумента — диалектика неординарного, очень своеобразного характера, героическому мифу — реальность.

Остро современен и последний фильм Герасимова «Лев Толстой». И не только тем, что раскрывает внутреннюю драму Толстого углубляет наше понимание его личности: через беспокойную мысль великого правдонкаателя фильм обращает каждого из нас к тем явлениям современной жизни, против которых восстанет наша гражданская и человеческая совесть.

О делах кинематографических Герасимов всегда судил серьезно и строго, связывая конкретные явления кино с общими проблемами искусства и социальной жизни.

Мне довелось, помимо «частичных» обращений в книгах к тем или иным фильмам Герасимова, трижды специально писать о новых его работах — «У озера», дилогия о Петре и «Лев Толстой». И если те тонкости художественных решений, которые были особо дороги режиссеру, замечались рецензентом, а потом и зрителем, это становилось для Сергея Аполлинариевича праздником души. Немного словне благодарностей не означало безразличного отношения к критике (помню, как сердито, с каким огорчением говорил он о недостаточном внимании критики к «Тихому Дону»).

Сам человек горький, неравнодушный, Герасимов не раз возвращался к мысли: кинематографист не способный удивляться, увлекаться, не может стать настоящим художником — надо культивировать в молодых умение удивляться, показывать и рассказывать им необыкновенное, чего они не знают, надо пробиваться через корку равнодушия, которая, увы, успела покрыть многие молодые умы.

О равнодушии Герасимов говорил часто, и всегда с особой горечью. Человек, склонный к рациональным объяснениям любого феномена (не к рационализму, а к рациональным объяснениям, не исключаяющим эмоций), он в данном случае как-то терпелся. Быстрые и однозначные объяснения никак не давались.

Откуда оно, это равнодушие? Мы шли по ступенкам социальной биографии молодых, чтобы попробовать найти его начала и корни. В конце концов сошлись на том, что одного какого-то объяснения тут нет — существует комплекс причин. В подтверждение этого вода высказывались и такие соображения, когда тысяча, десятки тысяч молодых ехали на строительство БАМа или КамАЗа, в Сургут или Уренгой, на казахстанскую целину или в Якутию, их трудное бытие рождало новое сознание, новые связи с жизнью. Конечно, сие не означает, что каждого молодого надо обязывать

но отравлять на БАМ, свое ощущение причастности к трудным делам народа.

Я сейчас «конспектирую» не один какой-то разговор, а многие. К вопросам, о которых идет речь, мы возвращались снова и снова. В общественной пассивности Герасимов видел опасность для самого искусства, для общества и решения актуальных тем. Говоря о недостатке социального чувства у некоторых молодых, Герасимов настойчиво подчеркивал, надо все это учитывать в работе с молодежью.

Однажды после очередного совещания руководящих деятелей кинематографии Сергей Аполлинариевич остановил меня в коридоре словами:

— Хватит. И подкакивать хватит, и молчать, когда другие подкакивают. И общих призывов, ни к чему не призывающих, хватит.

Слова были сердитые, решительные, категоричные. А вызваны они были тем, что на том совещании торжествовал дух всеобщего обожания: хвалили все подраз, себя хвалили. Других хвалили, слабым фильмам, «тримирующим» жизнь, давали завышенные оценки, вор-

чали по поводу прессы, нет-нет да и выступавшей с критикой каких-то явлений в кино. Сергей Аполлинариевич обещал себе, твердо обещал: не поддаживаться под общий тон самодовольства, действовать по совести, на ком-примиссы не идти.

Когда он говорил все это, глаза у него были злые, колкие. Потом, через много месяцев, я вспомню этот разговор при просмотре фильма «Лев Толстой»: как ему покажутся там эти злые, колкие, с отменком страдания глаза, эти сердитые, гневные ноты! Многие из того, что выплеснулось на экран в фильме, Сергей Аполлинариевич годами носил в себе. Накапливал. Кинематографическая жизнь помогала такого рода накоплениям.

Процесс преодоления инерций самоуспокоенности, самодовольства получил новые импульсы в материалах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Радуюсь этим материалам, душой принимая их суть, Герасимов предостерегал от иллюзорных расчетов на мгновенные перемены.

— Ой как трудно будет проворачивать громады складывающуюся машину хозяйственного аппарата с привычной дороги. Встречался я тут с некоторыми из тех, что по должности должны заниматься перестройкой экономики непосредственно. Где там! Ворчат. Чего-то ждут. Бумаги сочиняют по старым графикам и в прежнем количестве. Ой как трудно будет с ними!

И слово в утешение себе добавил: — Правда, и других встречал. Директор и главный инженер большого завода: один по-старше, еще с военных времен на хозяйственной работе, другой помоложе. Но оба — в одну дуду. Впечатление такое, что они годами являлись под прессом старых инструкций, планов и отчетностей. Ждали не полуреформ, не латания особенно заметных дыр, а настоящей перестройки. Радуются речам Горбачева. Заметна граница между первыми, ворчащими, выжидающими, и теми, кто душой принимает новые установки, проходит не по возрасту, а по уму.

Особое место в жизни Сергея Аполлинариевича занимали дела педагогические. Е. том факте, что ВГИКУ было присвоено его имя, многое сказало: умерев физически, Герасимов продолжает жить не только в своих фильмах, но и в своих учениках, в книге «Воспитание кинорежиссера», написанной на основе институтских лекций, в благодарной памяти режиссеров и актеров, выпускников совместной мастерской С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой.

В разговорах с герасимовскими учениками о съемках или монтаже очередного фильма не редкость услышать такие исповеднические откровения: иной раз так завязнешь, даже гонуть начнешь в проблемах, одна труднее другой, что невольно начнешь тапать: а как бы в данном случае поступил Сергей Аполлинариевич, что бы посоветовал?

Много сил отдавал Герасимов работе в Академии педагогических наук, в которой стал душой и практически организатором многогранной деятельности в области эстетического воспитания молодежи.

В связи с этой его работой не раз возникали разговоры о том, какой ущерб эстетическому воспитанию принесут популярны, но вульгарные ведущие себя на эстраде певцы, эстетические недоросли, которые с помощью сильных микрофонов портят хорошие песни. Многоисленные ВИА невысокого поэтического уровня телевидения с их уставовкой на цветовой «красивости», дешевое чтиво, пошлая беллетристика с жанровыми приманками детектива и мелодрамы; наконец, фильмы, несущие в себе ридом с профессиональной беспомощностью дух замшелого, захудалого провинциализма. Беда в том, что многие из этих проявлений субкультуры стали модными. Значительная часть молодежи только их и признает за истинно современное искусство, оставляя классику своим отцам и дедам. Возникла мода, опасно деструктивная по отношению к эстетической культуре молодежи. Да и не только молодежи.

Герасимов был президентом Ассоциации кинематографистов в Союзе кинематографистов, помимо обычных секретарских обязанностей, он вел как председатель комиссии по художественной кинематографии. К этому надо прибавить работу в президиуме ВАК, в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, в Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничеству.

Однажды, когда я начал его шутило, но с серьезным подтекстом ругать за перерузки, стал уговаривать «подсограться», тактично намекая на возраст, он дал мне пощупать мушкетеры своей руки. Железо! Да, и на восьмом десятии он оставался спортсменом, ежедневно делал физзарядку и с большой нагрузкой, завершающуюся самодельным душем Шарко! И работал, работал по меньшей мере в десятке организаций, да еще и в прессе выступал довольно часто. Гражданский темперамент, общественная активность Сергея Аполлинариевича границ не знали.

Тамара Федоровна как-то рассказала мне: когда выпадал день без телефонных звонков с неизменными просьбами — там выступить, туда написать, Серене было как-то не по себе. Перенапряжение нагрузок стало для него нормой. А для сердца специальных закрепителей и он придумать не мог. Оно, сердце, было обыкновенное, человеческое и на 80-м году жизни не выдержало. Для всех нас, близко знавших Сергея Аполлинариевича, это было неожиданно. Мы наввно считали, что наш друг — здоровяк и всегда будет с нами. И вот его не стало. Остались фильмы, книги, статьи, стенограммы. И остались пример и урок его жизни. Он был учителем не только для вگیковцев.

Александр КАРАГАНОВ.

● Кадрм из фильмов «Комсомолец», «Молодая гвардия», «У озера».